

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР

ДЖЕННИ ГЕРХАРДТ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Д72

Серия «Эксклюзивная классика»

Theodore Dreiser
JENNIE GERHARDT

Перевод с английского *Н. Галь, М. Лорие*

Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фerez*

Дизайн обложки *В. Воронина*

*В оформлении обложки использован
фрагмент картины Ф. Д. Миллета «Вдова», 1891*

Драйзер, Теодор.

Д72 Дженни Герхардт : [роман] / Теодор Драйзер ; [перевод с английского Н. Галь, М. Лорие]. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 448 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-152869-0

Второй роман классика мировой литературы, увидевший свет только спустя одиннадцать лет после скандальной «Сестры Керри».

Дженни Герхардт, наивная и мечтательная девушка, поступает на работу в гостиницу, чтобы помочь своей нуждающейся семье. Черная полоса суровых испытаний и лишений, казалось бы, заканчивается с появлением Лестера — наследника крупной промышленной компании. Однако семья Кейн не готова принять союз с девушкой не из их круга, и тогда перед Дженни встанет непростой выбор: поступиться собственным счастьем или пойти наперекор высшему свету...

История о благородстве, стойкости перед жестокими ударами судьбы и всепобеждающей силе любви, в свое время названная критиками «лучшим американским романом, который когда-либо читали».

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Перевод. Н. Галь, наследники, 2024
© Перевод. М. Лорие, наследники, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ISBN 978-5-17-152869-0

Глава I

Осенним утром 1880 года немолодая женщина в сопровождении девушки лет восемнадцати вошла в главный отель города Колумбуса (штат Огайо) и, подойдя к портье, спросила, не найдется ли для нее в отеле какой-нибудь работы. Она была полная, но некрепкого сложения, держалась скромно и просто. Лицо у нее было открытое, большие глаза смотрели терпеливо и кротко, и в них таилась тень скорби, понятной лишь тем, кому случалось участливо заглянуть в лицо беспомощного, подавленного горем бедняка. Нетрудно было понять, откуда взялись у ее дочери робость и застенчивость, которые теперь заставляли ее держаться позади матери и с притворным равнодушием смотреть в сторону. В характере этой девушки воображение, природная чуткость и впечатлительность неразвитого, но поэтического ума, унаследованные от матери, сочетались с отцовской серьезностью и уравновешенностью. Женщин этих привела сюда нужда. Они казались таким трогательным воплощением честной бедности, что вызвали сочувствие даже у портье.

— А какую работу вы ищете? — спросил он.

— Может, вам нужно где прибрать или что почистить, — несмело ответила мать. — А еще я могу мыть полы.

Дочь при этих словах поежилась — не то чтобы ей не хотелось работать, но было горько, что люди поймут, какая крайность заставляет их братья за черную работу. Портье, как подобает мужчине, был тронут горем красивой девушки. Что и говорить, из-за ее наивности и беспомощности их доля казалась еще более тяжелой.

— Подождите минуту, — сказал он и, пройдя в контору, подозвал старшую горничную.

В отеле действительно нашлась работа. Главная лестница и вестибюль оставались неубранными, так как постоянная поломойка получила расчет.

— Это ее дочка? — спросила старшая горничная, издали глядя на женщин.

— Похоже на то.

— Что ж, пускай сегодня же принимаются за работу. Девушка, наверно, будет помогать?

— Поговорите со старшей горничной, — приветливо сказал портье, вернувшись к своей конторке. — Пройдите вот сюда. — Он указал на дверь рядом. — Там с вами договорятся.

Сцену эту можно назвать трагическим завершением долгой череды несчастий и неудач, которые постигли Уильяма Герхардта, стеклодува по профессии, и его семью. Этот человек потерял работу — такие превратности судьбы хорошо знакомы бедным труженикам — и теперь с трепетом встречал каждое утро, не зная, что принесет новый день ему, его жене и шестерым детям, ибо их хлеб насущный зависел от прихоти случая. Сам Герхардт был прикован болезнью к постели. Его старший сын, Себастьян, или Басс, как называли его приятели, работал подручным в местных вагоностроительных мастерских, но получал только четыре доллара в неделю. Дженовьеве, стар-

шей дочери, минуло восемнадцать, но ее до сих пор не обучили никакому ремеслу. У Герхардта были и еще дети — четырнадцатилетний Джордж, двенадцатилетняя Марта, десятилетний Уильям и восьмилетняя Вероника; они были еще слишком малы, чтобы работать, и всех их надо было прокормить. Единственным достоянием и подспорьем семьи был принадлежавший Герхардту дом, да и тот заложен за шестьсот долларов. Глава семейства занял эти деньги в то время, когда, истратив свои сбережения на покупку дома, задумал пристроить к нему еще три комнаты и веранду, чтобы родным жилось просторнее. До полного расчета по закладной оставалось еще несколько лет, но настали такие тяжелые времена, что пришлось истратить и небольшую сумму, отложенную для уплаты основного долга, и взнос в счет годовых процентов. Теперь Герхардт был совершенно беспомощен и признавал, что положение его отчаянное: доктор прислал счет, проценты по закладной не выплачены, давно пора расплатиться с мясником, с булочником — оба они, полагаясь на его безукоризненную честность, верили ему в долг до последней возможности... Все это терзало и мучило его и мешало справиться с недугом.

Миссис Герхардт отнюдь не была малодушной женщиной. Она стала брать белье в стирку, когда удалось найти клиентов, а в остальное время шила и чинила одежду детей, собирала их в школу, стряпала, ухаживала за больным мужем и, случалось, плакала. Нередко она отыскивала какую-нибудь новую бакалейную лавку — каждый раз все дальше и дальше от дома — и, заплатив для начала наличными, получала кредит до тех пор, пока другие лавочники не предостерегали легковверного благотворителя. Кукуруза была дешевле всего. Миссис Герхардт варила пол-

ный котел, и этой еды, чуть ли не единственной, хватало на целую неделю. Каша из кукурузной муки тоже была лучше, чем ничего, а если в нее удавалось подбавить немного молока, это было уже почти пиршество. Жареная картошка считалась у Герхардтов самым роскошным блюдом, кофе — редким лакомством. Уголь они подбирали, бродя с ведрами и корзинами по запутанным путям соседнего железнодорожного депо. Дрова добывались во время таких же походов на ближайшие лесные склады. Так они перебивались со дня на день, в ежечасной надежде, что отец поправится и что возобновится работа на стекольном заводе. Но приближалась зима, и Герхардтом все сильнее овладевало отчаяние.

— Я непременно должен поскорее выпутаться из этой истории, — то и дело повторял упрямый немец; его маловыразительный голос бессилен был передать гложущую его тревогу.

В довершение всех несчастий маленькая Вероника заболела корью, и несколько дней ее жизнь была в опасности. Мать забросила все дела, не отходила от ребенка и молилась. Доктор Элуонгер, движимый сочувствием, ежедневно навещал больную. Лютеранский священник, пастор Вундт, являлся с утешениями от лица святой церкви. Оба они вносили в дом дух мрачного ханжества. Это были облаченные во все черное посланцы высших сил. Миссис Герхардт думала, что теряет свою девочку, и скорбно бодрствовала у ее постели. Через три дня опасность миновала, но в доме не было ни куска хлеба. Получка Себастьяна ушла на лекарства. Только уголь удавалось добывать даром, но уже несколько раз детей прогнали из депо. Миссис Герхардт мысленно перебрала все места, куда можно было бы обратиться в поисках

работы, и без всякой надежды на успех отправилась в отель. И вот, чудом, ей повезло.

— Сколько вы хотите? — спросила старшая горничная.

Миссис Герхардт никак не думала, что ее станут об этом спрашивать. Но нужда придала ей храбрости.

— Доллар в день — не слишком много?

— Хорошо, — сказала старшая горничная. — В неделю наберется работы примерно дня на три. Приходите каждый день после полудня, и вы вполне справитесь.

— Спасибо вам, — сказала миссис Герхардт. — Можно начать сегодня же?

— Да. Пойдемте, я покажу, где ведра и тряпки.

Отель, куда они так неожиданно попали, был для того времени и для города Колумбуса весьма примечательным заведением. Колумбус, столица штата, насчитывает пятьдесят тысяч жителей, притом тут всегда много приезжих, а стало быть, в городе должны процветать отели и гостиницы, и это обстоятельство использовалось наилучшим образом — по крайней мере, так с гордостью полагали сами горожане. Пятиэтажное здание внушительных размеров стояло на центральной площади Колумбуса, где находились также законодательное собрание штата и крупнейшие магазины. Просторный вестибюль отеля недавно был отделан заново. Пол и мраморная облицовка стен тщательно протирались и сверкали белизной. Наверх вела великолепная лестница с перилами орехового дерева и медными прутьями, придерживающими ковер на ступенях. В одном углу вестибюля видное место занимала стойка, где продавались газеты и сигары. Под лестницей была конторка, за которой дежурил портье, и помещение ад-

министрации отеля; все было отделано деревом лучших сортов и увешано газовыми рожками — новинкой того времени. В конце вестибюля помещалась парикмахерская — за дверью виднелись кресла и сверкающие бритвенные приборы. Перед отелем всегда можно было видеть два или три омнибуса, они подъезжали и отъезжали в соответствии с расписанием поездов.

В этом роскошном караван-сараяе останавливались крупнейшие политические и общественные деятели штата. Несколько губернаторов поочередно избирали его своей резиденцией. Оба сенатора из конгресса Соединенных Штатов, когда дела призывали их в Колумбус, неизменно занимали здесь номера люкс. Одного из них, сенатора Брэндера, владелец считал почти постоянным своим жильцом, поскольку у этого старого холостяка не было, в сущности, другого дома в Колумбусе, кроме отеля. Среди прочих, менее оседлых постояльцев были члены конгресса, законодательного собрания штата, а также кулуарные политики, коммерсанты, адвокаты, врачи — словом, кого там только не было; вся эта разношерстная публика приезжала и уезжала, и отель жил калейдоскопически пестрой и суетливой жизнью.

Мать и дочь, внезапно закинутые судьбой в этот ослепительный мир, были безмерно напуганы. Они едва решались к чему-либо притронуться. Широкий, устланный красным ковром коридор, который они должны были подмести, казался им величественным, как дворец; они не смели поднять глаза и говорили шепотом. Когда же пришлось мыть великолепную лестницу и чистить медные прутья и решетки, обеим понадобилось призвать на помощь все свое мужество:

матери — чтобы преодолеть робость, дочери — чтобы побороть стыд, ведь она должна заниматься этим на виду у всех. Под ними раскинулся огромный вестибюль, и все, кто там отдыхал, курил, входил и выходил, могли видеть их обеих.

— Как тут красиво, правда? — шепнула Дженьевьева и вздрогнула от звука собственного голоса.

— Да, — тихо отозвалась мать; стоя на коленях, она неловкими руками усердно выжимала тряпку.

— Наверно, чтобы жить здесь, нужно очень много денег!

— Да, — сказала мать. — Не забывай протирать вот тут, в уголках. Смотри, сколько грязи ты оставила.

Дженни, огорченная этим замечанием, усердно взялась за работу и терла изо всех сил, уже не смея больше смотреть по сторонам.

Старательно, не жалея рук, они работали до пяти часов; на улице уже стемнело, и вестибюль был ярко освещен. Они заканчивали мыть лестницу, оставалось несколько ступеней в самом низу.

В это время отворилась широкая двустворчатая дверь, которая то и дело запахивалась, впуская с улицы струю холодного воздуха, и вошел высокий немолодой человек в цилиндре и широком плаще военного покроя; он резко выделялся на фоне праздничной толпы — сразу видно было, что это важная особа. Лицо у него было смуглое, со строгими чертами, но открытое и приятное; над блестящими глазами нависали густые черные брови. Он на ходу взял с конторки уже приготовленный для него ключ и стал подниматься по лестнице.

Он не только осторожно обошел пожилую женщину с тряпкой, но и снисходительно махнул ей рукой, словно говоря: «Ничего, я пройду».

В эту минуту дочь выпрямилась и оказалась с ним лицом к лицу; по ее глазам было видно, как она испугана тем, что очутилась у него на дороге.

Он приветливо улыбнувшись и кивнув, сказал:

— Напрасно вы беспокоились.

Дженни только улыбнулась в ответ.

Поднявшись площадкой выше, он невольно обернулся и, взглянув на девушку, убедился, что она, как и показалось ему сразу, необыкновенно хороша собой. Он заметил высокий чистый лоб, волосы, ровно разделенные пробором и заплетенные в косы, голубые глаза и румянец. Он успел даже полюбоваться красивым изгибом губ, почти детским овалом лица и стройной, изящной фигуркой, воплощением юности, здоровья и надежд — всего, что так высоко ценит человек уже немолодой. Затем он с достоинством пошел дальше, ни разу больше не взглянув в ее сторону, но унося с собой ее прелестный образ. Это был достопочтенный сенатор Джордж Сильвестр Брэндер.

— Какой он красивый, этот человек, который сейчас прошел наверх, правда? — немного погодя сказала Дженни.

— Да, — подтвердила мать.

— И трость у него с золотым набалдашником.

— Не надо глазеть на людей, — наставительно проговорила мать. — Нехорошо.

— Я на него не глазела, — простодушно возразила Дженни. — Он сам мне поклонился.

— Незачем тебе смотреть на чужих, — сказала мать. — Может быть, им это не нравится.

Дженни снова молча принялась за работу, но блеск этого удивительного мира не мог не занимать ее. Помимо воли она прислушивалась к царившему вокруг оживлению, к разговорам и смеху, которые

сливались в сплошной веселый гул. В одном конце первого этажа был ресторан; оттуда доносился звон посуды, и нетрудно было угадать, что там накрывают на стол к ужину. В другом конце находилась гостиная, там кто-то заиграл на рояле. Во всем чувствовалась веселая непринужденность, обычная перед вечерней трапезой. И сердце бедной девушки забилось надеждой, ибо она была молода и нужда еще не успела придавить ее душу всей своей тяжестью. Она продолжала прилежно мыть и чистить и минутами забывала о своей усталой матери, работавшей рядом, — о матери, чьи добрые глаза окружены были сетью морщин, а губы беззвучно повторяли нескончаемый перечень повседневных забот. Девушка могла думать только о том, как заманчиво все вокруг, и ей хотелось, чтобы и на ее долю выпало немного этого блеска и веселья.

В половине шестого старшая горничная, вспомнив о них, пришла их отпустить. С лестницей было покончено; со вздохом облегчения они оставили ее и, убрав на место ведра и тряпки, заторопились домой, причем мать была очень довольна, что наконец-то нашла работу.

Они шли мимо больших красивых зданий, и снова Дженни ощутила смутное волнение, которое пробудили в ней необычность и новизна всего виденного в отеле.

— Хорошо быть богатым, правда? — сказала она.

— Да, — отозвалась мать, думая о больной Веронике.

— Ты видела, какая у них там огромная столовая?

— Да.

Теперь они шли мимо жалких, неказистых домов, под ногами безжизненно шуршали осенние листья.

— Вот бы мы были богатые... — почти про себя пробормотала Дженни.

— Не знаю, что и делать, — с тяжелым вздохом призналась мать. — Дома, наверно, совсем есть нечего.

— Давай зайдем еще раз к мистеру Баумену! — с живым сочувствием откликнулась Дженни, тронутая ноткой безнадежности, прозвучавшей в голосе матери.

— Ты думаешь, он еще поверит нам?

— Мы ему скажем, что нашли работу. Я сама скажу.

— Хорошо, — устало согласилась мать.

Не доходя двух кварталов до дому, они несмело вошли в маленькую, тускло освещенную бакалейную лавку. Миссис Герхардт хотела заговорить, но Дженни опередила ее.

— Вы не дадите нам сегодня в долг хлеба и немного сала? Мы получили работу в «Колумбус-хаусе», в субботу мы непременно вам заплатим.

— Да, — прибавила миссис Герхардт, — теперь у меня есть работа.

Они были постоянными покупательницами Баумена еще до того, как начались все несчастья и беды, и он знал, что они говорят правду.

— А давно вы там работаете? — спросил он.

— Нынче первый день.

— Вы меня знаете, миссис Герхардт, — сказал он. — Мне не хотелось бы вам отказывать. Мистер Герхардт человек надежный, но ведь я тоже небогат. Время сейчас тяжелое, а у меня семья.

— Да, я понимаю, — тихо сказала миссис Герхардт.

Спрятав под старой шалью огрубевшие, красные от работы руки, она беспокойно сжимала их. Дженни стояла рядом в напряженном молчании.

— Ладно, — сказал наконец Баумен. — На этот раз, так и быть, еще дам в долг. В субботу заплатите сколько сможете.

Он завернул им хлеб и сало и, протягивая Дженни сверток, сказал с усмешкой:

— Когда у вас снова появятся деньги, вы, наверно, станете покупать где-нибудь в другом месте.

— Неправда, — возразила миссис Герхардт, — вы же знаете, что нет.

Но она была слишком измучена, чтобы вступить с ним в долгие объяснения.

Они повернули за угол и пошли по мрачной улице, застроенной убогими домишками.

— Хотела бы я знать, достали ли дети угля? — устало проговорила мать, когда они были в нескольких шагах от дома.

— Не волнуйся, — сказала Дженни. — Если не достали, я пойду и принесу.

— Какой-то дядька нас прогнал, — не успев даже поздороваться, выпалил Джордж, когда мать спросила про уголь. — Но я все-таки принес немножко, — добавил он. — С платформы сбросил.

Миссис Герхардт улыбнулась, а Дженни громко рассмеялась и спросила:

— А как Вероника?

— Спит как будто, — сказал отец. — Я ей в пять часов еще раз дал лекарство.

Мать приготовила скудный ужин и села у постели больной девочки, собираясь, как всегда, бодрствовать подле нее всю долгую ночь.

За ужином Себастьян внес деловое предложение, к которому все отнеслись с должным вниманием, так как он был человек практический, более других опытный во всех житейских делах. Себастьян рабо-

тал всего лишь подручным в вагоностроительных мастерских и не получил никакого образования — его учили только догматам лютеранской веры, которые были ему очень и очень не по вкусу, — зато он был исполнен чисто американской энергии и задора. Рослый, атлетически сложенный и очень крепкий для своих лет, он был типичным городским парнем. У него уже выработалась своя жизненная философия: если хочешь добиться успеха — не зевай, а для этого надо сблизиться или по крайней мере делать вид, будто близок с теми, кто в этом мире, где внешнее и показное превышает всего, занимает первые места.

Вот почему Басс любил слоняться у «Колумбусахауса». Ему казалось, что этот отель — средоточие всех сильных мира сего. Когда ему удалось скопить денег на приличный костюм, он стал по вечерам ходить в центр города и часами простаивал с приятелями у входа в отель; он шелкал каблуками, дымил сигарами по пять центов пара и, рисуясь, с независимым видом поглядывал на девушек. Тут бывали и другие молодые люди — городские франты и бездельники, заходившие в отель побриться или выпить стаканчик виски. Басс восхищался ими и стремился им подражать. О человеке тут судили прежде всего по платью. Раз люди хорошо одеты, носят кольца и булавки в галстуках, — что бы они ни делали, все хорошо. Басс хотел походить на них, поступать, как они, и его опыт по части пустого и бессмысленного препровождения времени быстро расширился.

— Почему бы тебе не брать у постояльцев отеля белье в стирку? — сказал он Дженни, выслушав ее рассказ о событиях дня. — Это куда лучше, чем мыть лестницы.

— А как это сделать? — спросила она.

— Да просто обратись к портье.

Совет показался Дженни очень разумным.

— Только смотри не заговаривай со мной, если встретишь возле отеля, — предупредил он ее, когда они остались одни. — Не подавай виду, что знаешь меня.

— Почему? — простодушно спросила она.

— Ты прекрасно знаешь, почему, — ответил брат; он уже не раз говорил, что у них у всех слишком жалкий вид, из-за такой родни сраму не оберешься. — Если встретимся, проходи мимо, и все. Слышишь?

— Хорошо, — кротко ответила Дженни. Хотя брат был лишь годом старше, она всегда ему подчинялась.

На другой день по дороге в отель она заговорила с матерью о предложении брата.

— Басс говорит, мы могли бы брать у постояльцев белье в стирку.

Миссис Герхардт, которая всю ночь мучительно раздумывала над тем, как бы заработать еще что-нибудь сверх трех долларов в неделю за уборку, одобрила идею Басса.

— Это верно, — сказала она. — Я спрошу в отеле.

Однако, когда они пришли в отель, удобный случай представился не сразу. Только под вечер судьба им улыбнулась: старшая горничная велела вымыть пол перед конторкой портье. Это важное должностное лицо явно к ним благоволило. Ему пришлось по душе добрая, озабоченная мать и хорошенькая дочка. И он благосклонно выслушал миссис Герхардт, когда она осмелилась задать ему вопрос, который весь день не выходил у нее из головы:

— Может, кто из ваших постояльцев согласится давать мне белье в стирку? Я была бы так благодарна.